

Михаил БАХТИН

Михаил Михайлович Бахтин (1895, Орел — 1975, Москва) — известный философ, литературовед, лингвист, культуролог. В 1929 году за участие в деятельности религиозно-философского кружка «Воскресение» был сослан из Ленинграда в Казахстан. С 1937 года по 1945 год жил на станции Савёлово в Калининской области, где работал учителем в школе, затем до выхода на пенсию работал в Мордовском пединституте (г. Саранск), в 1969 году переехал в Москву. Основные публикации работ: «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965, 1990), «Эстетика словесного творчества» (1979, 1986), «Работы 1920-х годов» (1994), «Проблемы творчества и поэтики Достоевского» (1994) и Собрание сочинений в 7-ми томах [Бахтин 1996–2012].

В полной мере теоретическое значение его творчества было оценено лишь в последние годы его жизни и после смерти [Аверинцев 1992; Emerson 1997]. Бахтин, по выражению В.С. Библера, «характерен для мышления XX века. И — одновременно — М.М. Бахтин исключителен, единственен. Неповторим» [Библер 1991: 9].

Проблемы, связанные с тематикой идентичности, постоянно поднимались в работах М.М. Бахтина, но в разные периоды они рассматривались под разными углами зрения. Заметное влияние на формирование его взглядов оказали учения Канта, Кьёркегора, марбургской школы неокантианства, феноменологии. Среди его работ, относящихся к раннему периоду творчества, стоит отметить исследования «Автор и герой в эстетической деятельности» и «К философии поступка» (эти тексты были опубликованы посмертно, и названия им дали публикаторы). Бахтин отмечал, что всякий человек является «автором» по отношению к другим людям, а те, в свою очередь, являются по отношению к нему «героями». Ключевым положением здесь было воспри-

ятие другого человека как говорящего и как выглядящего, имеющего наружность. Бахтина интересовала грань между внутренним и внешним в человеке, между его «словом» и «телом». При этом он подчеркивал персональную ответственность каждого человека (даже считающего себя частью целого) за его поступки: «Я причастен событию персонально, и также всякий предмет и лицо, с которым я имею дело в моей единственной жизни, персонально причастны. Я могу совершать политический акт и религиозный обряд как представитель, но это уже специальное действие, которое предполагает факт действительного уполномочения меня, но и здесь я не отрекаюсь окончательно от своей персональной ответственности, но само мое представительство и уполномоченность ее учитывают. Молчаливой предпосылкой ритуализма жизни является вовсе не смирение, а гордость. Нужно смириться до персональной участии и ответственности. Пытаясь понимать всю свою жизнь как скрытое представительство и каждый свой акт как ритуальный, мы становимся самозванцами. (...) Всякое представительство не отменяет, а лишь специализует мою персональную ответственность. Действительное признание-утверждение целого, которому я буду представлять, есть мой персонально ответственный акт» [Бахтин 1986].

Защищенная в 1946 году в Москве (в ИМЛИ) кандидатская диссертация «Рабле в истории реализма» позднее легла в основу знаменитой книги «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). Здесь Бахтин выступает как тонкий знаток карнавальной народной культуры западноевропейского средневековья, в которой «телесный верх» и «телесный низ» человеческой природы постоянно переплетались, переходили друг в друга. Соответственно, и социальные статусы в пространстве карнавальной культуры также «перевертывались» под одобрительный общий смех: высокое становилось низким, а низкое высоким. Автор развил здесь концепцию «гротескного коллективного тела», которое мыслилось и как незавершенность в пространстве (праздничное состояние, дающее человеку ощущение совместности и причастности всемирной жизни), и как незавершенность во времени (продолжение человеческого рода). Вслед за А.А. Ухтомским Бахтин говорил о хронотопе как о «существенной взаимосвязи временных и пространственных отношений» [Бахтин 1975]. Хронотоп, или «время-место» (от др.-греч. χρόνος «время» и τόπος «место») — та конкретная среда, в которой происходит человеческое общение и сопереживание, то присоединение к общему, которое помогало человеку не впадать в отчаяние даже в самых тяжелых жизненных ситуациях.

Особое внимание Бахтина привлекало творчество Ф.М. Достоевского: работа, выпущенная еще в 1929 году, впоследствии была издана им в 1963 году в переработанном и дополненном виде. Бахтин говорил о «принципиальном новаторстве Достоевского», создавшего диалогический и «полифонический» роман (в отличие от традиционного монологического романа): «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и "человек в человеке", как для других, так и для себя самого». Понятие «полифония» (от др.-греч. πολυφωνία, «многозвучие», по аналогии с музыкальной поли-

фонией — «многоголосьем») уже использовалось до этого в работах Вяч. Иванова, однако у Бахтина термин приобретает новый смысл, закрепившийся в современной транскультурной этике диалога [Nielsen 1995: 803]. В полифоническом романе Достоевского, по наблюдению Бахтина, представлена «множество самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов», причем голос героя всегда проницаем для чужих голосов. Другие голоса (голоса других), таким образом, полнее раскрывают образ героя: «Человек никогда не совпадает с самим собой. К нему нельзя применить форму тождества $A=A$ ... Подлинная жизнь личности совершается в точке этого несовпадения человека с самим собой» [Бахтин 1979(а): 100].

В творчестве Бахтина постоянно встречается эта высказанная еще в его ранних произведениях мысль, что любому человеку принципиально необходим «Другой» для завершения собственного образа, ибо только «Другой» видит со стороны то, что «Я» не смогу увидеть даже в отражении в зеркале [Авдеенков 2011; Козырев 2011; Махлин 1997]. Вот как он сам формулировал это наблюдение по теме «Я и Другой»: «Избыток моего видения по отношению к другому человеку обуславливает собой некоторую сферу моей исключительной активности, то есть совокупности таких внутренних и внешних действий, которые только я могу совершить по отношению к другому, ему же самому со своего места вне меня совершенно недоступных, действий, восполняющих другого именно в тех моментах, где сам он себя восполнить не может. (...) Избыток видения — почка, где дремлет форма и откуда она и разворачивается, как цветок. Но чтобы эта почка действительно развернулась цветком завершающей формы, необходимо, чтобы избыток моего видения восполнял кругозор созерцаемого другого человека, не теряя его своеобразия. Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрмить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства» [Бахтин 1979(б): 24–25]

Представляет интерес и то, как применял Бахтин концепцию Другого в отношении процесса познания историком событий и персонажей далекого прошлого. Обязательным условием приближения к объективности бытия прошлого является стремление своим «вчувствоваться» Другого, не теряя его своеобразия. Для этого первым шагом исследователя должна стать попытка «вчувствоваться» в этого Другого, «ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место». Этот первый момент созерцательной деятельности Бахтин называл «вживанием». В связи с этим Бахтин обращал внимание на различие между временем автора и временем прошлого (Другого). Время Другого отличается завершенностью, ритмичностью, пограничностью, тогда как авторское время характеризуется не-исполненностью, будущностью, безграничностью, хаотичностью. Современные историки нередко пытаются наложить на прошлое какие-то готовые абстрактные схемы. Однако полное подчинение Другого (т.е. исторических персонажей) теоретическим

построениям и методологическим предпочтениям автора ведет к полной же потере прошлой, «другой» идентичности: «...мы познаем отвлеченный смысл, но теряем единственный факт действительного исторического свершения» [Булыгина 2008]. Поэтому без «вживания», без попытки увидеть изнутри мир Другого не может быть и адекватного понимания его идентичности.

Творческое наследие Бахтина еще нуждается в более глубоком исследовании и осмыслении, причем со стороны не только филологов и философов, но и всех тех, кто так или иначе касается изучения тематики идентичности (историки, политологи, психологи, социологи и другие представители гуманитарных наук).

Литература

- Бахтин М.М. 1975. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. — Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература. С. 234–407.
- Бахтин М.М. 1979. (а) *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Советская Россия. 320 с.
- Бахтин М.М. 1979. (б) *Эстетика словесного творчества*. Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бахтин М.М. 1986. К философии поступка. — *Философия и социология науки и техники*. Ежегодник 1984–1985. М. С. 80–138.
- Бахтин М.М. *Собрание сочинений*: В 7 т. / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012 (Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. 2003. 957 с. Т. 2. Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. 2000. 799 с. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). 2012. 880 с. Т. 4 (1). Франсуа Рабле в истории реализма (1940). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. 2008. 1120 с. Т. 4 (2). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура). 2010. 752 с. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. 1997. 732 с. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. 2002. 800 с.).
- Авдеенков А.Н. 2011. Ценность для другого в философии М. Бахтина и ценность другого в философии Ж.-П. Сартра. — *Система ценностей современного общества*. Вып. № 17-1. С. 8–12.
- Аверинцев С.С., Давыдов Ю.Н., Турбин В.Н. и др. 1992. *М.М. Бахтин как философ*. М.: Наука. 256 с.
- Библер В.С. 1991. *Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры*. (На путях к гуманитарному разуму). М.: Гнозис. 169 с.
- Булыгина Т.А. 2008. Пространственно-временные формы взаимодействия историка и прошлого (размышления над книгами М.М. Бахтина). — *Новая локальная история* (эл. ресурс). Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com/node/815>.
- Козырев А.П. 2011. Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М.М. Бахтина. — *Семинар «Русская философия (традиция и современность)»*: 2004–2009. Сост., общ. ред. А.Н. Паршина. Вып. 12. М.: Русский путь. С. 307–328.
- Махлин В.Л. 1997. *Я и Другой: К истории диалогического принципа в философии XX в.* М.: Лабиринт. 252 с.
- Emerson C. 1997. *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 350 p.
- Nielsen G. 1995. Bakhtin and Habermas: Toward a Transcultural Ethics. — *Theory and Society*. Vol. 24. No 6. P. 803–835.